

Скоробогатов А.В., Краснов А.В.

ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию юридического значения категории «правовая реальность», введенной в научный оборот в рамках постклассического правоведения. Цель статьи – изучить «правовую реальность» как категорию юридической науки, выявить и проанализировать онтологический и гносеологический смысл этого понятия, определяющего основания функционирования правовых явлений в конкретном обществе. Правовая реальность рассматривается с позиций различных методологических школ, что позволяет представить ее не только на разных онтологических уровнях и в разных аспектах, но и выявить ее гносеологический потенциал для развития юридической науки. Широкое и разнообразное изучение поставленной проблемы обусловило исследование проблемы посредством значительного арсенала методологического инструментария, разработанного не только в рамках юридической науки, но и в рамках других гуманитарных наук. Фундаментальным методологическим подходом данной работы является диалектический подход, в рамках которого изучаются общие закономерности формирования сущности и содержания правовой реальности. Самостоятельное место среди использованных методов занимает системно-функциональный метод, с помощью которого рассматривается функциональная характеристика правовой реальности. Исторический метод позволяет рассмотреть генезис формирования правовой реальности ретроспективно, с целью выявить те ее аспекты, которые являются значимыми для современной правовой онтологии и обуславливают тенденции дальнейшего правового развития. В статье также используется формально-логический метод с сочетанием таких его средств, как анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и обобщение, позволяющих раскрыть сущность и содержание феномена правовой реальности. В статье дана авторская дефиниция категории «правовая реальность». Изучены основные элементы и признаки данной категории. Сделан вывод, что правовая реальность как фундаментальная категория юридической науки является сложноорганизованной многоуровневой системой, включающей всю совокупность как реально существующих юридических явлений, так и правовой идеал, и определяет сферу бытия права для индивида и социума.

Ключевые слова: Правовая реальность, категория юридической науки, бытие права, правовой феномен, правовое явление, постмодернистские концепции правопонимания, постклассическая научная рациональность, методологический плюрализм, правовое поведение, антрополого-правовое исследование.

Abstract: This article is dedicated to the juridical meaning of the category of “legal reality”, introduced into the scientific use within the framework of post-classical juridical science. The goal of this work is to study the “legal reality” as a category of juridical science, determine and analyze the ontological and gnoseological meaning of this concept, which defines the bases for functionality of the legal phenomena in a specific society. The legal reality is being examined from the positions of various methodological approaches, which allows seeing it not only on different ontological levels and aspects, but to also determine its gnoseological potential for development of juridical science. The author gives an original definition to the category of “legal reality” and original definition is given to the category of “legal reality”. The author studies the key element and aspects of this category, and makes a conclusion that the legal reality as a fundamental category of juridical science is a complexly organized multi-level system, which encompasses both, the realistically existing legal phenomena, as well as the legal ideal, and defines the sphere of being of the law for the individual and society.

Keywords: Anthropological legal research, Juridical science, Methodological pluralism, Post-classical scientific reality, Post-modernistic legal concepts, Legal phenomenon, Legal science, Being of law, Category of juridical science, Legal reality.

Важным и актуальным назначением общей теории права является выявление и изучение фундаментальных юридических понятий и категорий, характеризующих сущность и содержание правового бытия общества. Одной из таких категорий, относительно недавно введенных в научный оборот и пока еще недостаточно исследованных как в общей теории права, так и в философии права, является «правовая реальность».

Казалось бы, на настоящий момент сложилось множество категорий, близких к исследуемой: правовая система, правовая жизнь, правовая культура, правовое сознание, правовая действительность, правовая практика и пр. Обосновать самостоятельность категории «правовая реальность» – это значит выделить существенные ее признаки, которые не совпадают с существенными признаками перечисленных категорий.

Среди множества философских и юридических дефиниций правовой реальности наиболее близким к содержанию этой категории и претендующим на отражение ее сущности можно считать определение, данное украинским философом права С.И. Максимовым: она рассматривается как многоуровневая система правовых феноменов, автономная метасоциальная реальность, смысловым выражением которой является взаимное долженствование во взаимодействии субъектов¹. Обратим внимание, что в рамках такой трактовки обращается внимание на взаимное долженствование во взаимодействии субъектов, что сближает сущностное видение правовой реальности с коммуникативной концепцией права, получившей развитие изначально в западной науке², но на данный момент разрабатываемая и в отечественной юриспруденции³. В свою очередь, особую роль речи, риторики, взаимопроникновение языкового и культурологического факторов подчеркивается в работах зарубежных ученых. В частности, исследуется роль юридического изложения в детективных историях, которые позволяют лучше понять суть юридической действительности⁴.

Вслед за С.И. Максимовым мы понимаем правовую реальность как категорию, которая обозначает

особый относительно автономный мир права, многоуровневую систему правовых феноменов, определяющих процесс социального взаимодействия.

Исходя из вышесказанного, правовую реальность можно определить как особое бытие права в конкретном пространственно-временном континууме. Объединяя всю совокупность правовых явлений социальной сферы, эта категория диалектически допускает, что правовые феномены объективной и субъективной реальности могут существовать как в тесном взаимодействии, так и независимо друг от друга⁵. С одной стороны, юридический массив будет определять правовое поведение индивида и социума, но с другой – социальная эффективность законодательства обусловлена его востребованностью в обществе и действиями конкретного индивида по реализации отдельных юридических норм. Хотя правовая реальность является не субстанциональной частью реальности, а лишь способом организации и интерпретации определенных аспектов правового бытия индивида и социума, она не имеет строго определенных материальных границ и одновременно существует как на материальном, так и на ментальном уровне.

Правовая реальность включает в себя три аспекта: объективный (существование правовой реальности независимо от отношения к ней индивида и социума), субъективный (действия человека в правовой сфере связаны с его правовым сознанием), иррациональный (правовое поведение человека в значительной степени объясняется случайной мотивацией)⁶. В связи с этим мы не можем согласиться с мнением С.Л. Слободнюка об исключительно объективном характере правовой реальности («правовая реальность объективна и необходимо предполагает наличие индивида, вступающего в правовые отношения»). Думается, эта категория характеризуется более сложным, субъективно-объективным характером. В каждом сегменте правовой реальности – будь то право, правореализация или что-либо иное – нельзя обнаружить феномены, полностью не зависящие от воздействия субъективных факторов, а также интерпретации субъектов. Более того, указан-

¹ Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Х.: Право, 2002. – 328 с. С. 45.

² Van Hoeske M. Law as Communication. – Oxford – Portland Oregon, 2002. – 234 p.

³ См.: Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование). Дисс... докт. юрид. наук. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 94 с.

⁴ Sherwin R.K. The Narrative Construction of Legal Reality // Journal of the Association of Legal Writing Directors. – 2009. – Vol. 6. – P. 93-94.

⁵ Большаков Е.В. Теоретико-методологические основы исследования проблемы правовой реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6 (32). – Ч. 2. – С.40.

⁶ Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов: Саратов, госуд. акад. права, 2004. – С. 15-16.

⁷ Слободнюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – С. 32.

ный вопрос упирается в проблему объективности и материальности права: всегда ли можно говорить исключительно о таких признаках права, или же оно все же имеет определенные субъективные и идеальные черты? Многие из постмодернистских концепций, получивших популярность в XX столетии, рассматривают право как сложное явление. Интегративизм, в частности, исходит из невозможности объяснения права исключительно с помощью одной научной теории. Более того, постклассическая научная рациональность, собственно, стоит на том, что субъекта нельзя отделить от объекта, объект носит субъективированный характер, а субъект – объективированный. Ученый-правовед находится в исследуемой правовой реальности и его выводы не могут претендовать на абсолютную объективность.

Сущность правовой реальности заключается в организации поведения людей в человеческом сообществе с целью достижения на нормативной основе стабильной организованности общества.

При таком подходе к сущности правовой реальности она представляет собой сложно организованную социальную систему, которая может быть рассмотрена в диалектической взаимосвязи разноуровневых структурных элементов, подробнее о которых – несколько ниже в данной работе.

Среди признаков данной категории предлагается выделить нормативную определенность, формальность и императивность⁸. Действительно, в отличие от других нормативных систем (религиозная, моральная, корпоративная), право имеет особую, властно-регулирующую природу, основанную, прежде всего, на возможности государственного принуждения. Институциональное обеспечение нормального функционирования норм права с применением юрисдикционных средств воздействия происходит благодаря соответствующей фиксации юридических норм в соответствующих формальных источниках права. Императивный характер права обусловлен, в первую очередь, неразрывной связью права как базисного элемента социальной реальности с властно-организующим субъектом (государством, обществом, локальным сообществом и т.д.). Однако вряд ли целесообразно, с нашей точки зрения, переносить свойства части (нормы права, системы законодательства) на целое, как более широкую и сложную систему (правовую реальность). Указанные свойства характерны именно для системы права, и не могут быть отнесены к

субъективным компонентам правовой реальности, в частности, правовому поведению, которое основывается на определенных ментальных установках и представлениях, потенциально, возможно, не совпадающих с официальными нормативными правовыми установлениями.

Указанная выше О.В. Крет выделяет в структуре правовой реальности онтологически три фундаментальных компонента – правотворчество (деятельность, направленная на создание, совершенствование, изменение и отмену правовых норм), правореализация (процесс, система средств и мер, направленных на претворение в жизнь действующей системы права, достижение предусмотренных в ней целей) и правоохрана (деятельность, направленная на предотвращение существования в обществе правонарушений, а также применение мер государственного принуждения в случаях их совершения) – выполняющих свои функциональные роли во взаимосвязи друг с другом и структурой в целом. Как указывается, дисфункции указанных компонентов (пробелы в праве, правовые коллизии, отсутствие или неэффективность механизма правового регулирования и т.п.), превышающие пороговое значение, могут привести как к развитию существующей правовой реальности, так и к ее уничтожению⁹. С нашей точки зрения, правоохрана традиционно должна рассматриваться как одно из направлений соответственно правотворчества и правореализации: охрана прав осуществляется как путем закрепления соответствующих положений в нормах права, так и посредством их реализации. В связи с этим выделение в одном ряду с правотворчеством и правореализацией правоохраны логически противоречит сложившимся в юридической науке понятийно-категориальным рядам.

При исследовании правовой реальности чаще всего используется диалектический, а также системно-структурный методы исследования. Безусловно, философский диалектический метод остается одним из наиболее авторитетных и разработанных, давая возможность исследовать правовую реальность под углом зрения причинно-следственных связей, с учетом принципа детерминизма, в соотношении с другими смежными явлениями, а также в динамике, с учетом изменений в исторической ретроспективе. Думается, однако, что в настоящий период развития науки вообще и юридической науки в частности, не стоит отказываться и от других методологий, с помощью которых осмысливаются те или иные правовые

⁸ Крет О.В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Тамбов: Тамбов. госуд. ун-т, 2007. С. 13.

⁹ Крет О.В. Указ. соч. С. 8.

явления¹⁰. Можно утверждать, что концентрация внимания исключительно на анализе норм действующего законодательства существенно обедняет и, более того, порой искажает результаты исследования¹¹. На данном этапе развития правовой науки не стоит отказываться от синергетики, феноменологии и других методологических подходов. Следует согласиться со становящейся все более популярной в отечественной гуманитаристике идеей методологического плюрализма¹². Думается, что указанный плюрализм приводит не к простому суммированию средств и способов, а также путей в описании результатов исследования, а к убеждению в том, что любой объект исследования, тем более в поле зрения социогуманитарных наук, может интерпретироваться по-разному; могут исследоваться разные его проявления. Претензии той или иной методологии на абсолютную верность и истинность в настоящее время представляются, по меньшей мере, наивными.

В рамках системной методологии в структуре правовой реальности можно выделить три элемента: право (обусловленная природой человека и общества система регулирования общественных отношений, которой присущи нормативность, формальная определенность в официальных источниках и обеспеченность возможностью государственного принуждения); правоотношения (урегулированные нормами права общественные отношения, участники которых являются носителями субъективных прав и юридических обязанностей, охраняемых и гарантируемых государством); правосознание (совокупность взглядов и идей, выражающих отношение людей, социальных групп, классов к праву, законности, правосудию, их представления о том, что является правомерным или неправомерным).

Использование феноменологической методологии, в свою очередь, позволяет рассмотреть правовую реальность как многоуровневое явление. Исходя из наиболее важных сфер правовой деятельности, можно выделить два основных уровня: правотворчество (со-

вокупность действий законодателя, направленных на формирование правопорядка и режима законности и корпуса нормативных документов) и правореализация (совокупность действий индивидов и уполномоченных лиц по реализации нормативных установлений и комплекс документов, созданных в ходе и в результате этих действий)¹³. Право в его нормативной, законодательной форме при этом выступало интеграционной основой правовой реальности, связующим компонентом всех ее уровней и элементов. Основанность права на идеале обуславливала не только взаимосвязь писанного права и справедливости (неписанного права), но и их взаимодополняющие роли в социальном регулировании. Однако в кризисных условиях, при отсутствии достаточно эффективного юридического и социального механизма реализации права формируется третий уровень правовой реальности – правовое поведение, т.е. поведение, которое соответствует социальным представлениям о справедливости. При этом для индивида совершенно не важно, насколько эти «правильные действия» соответствуют или противостоят «плохому» законодательству. Право перестает быть интеграционной основой правовой реальности, которая в силу разорванности права и справедливости приобретает трансгрессивный, мозаичный характер. В значительной степени формирование правоотношений происходит на основе «неправовых» правил и практик, содержание которых определяется индивидуальным (формируемым на основе синтеза правового сознания и взаимодействия индивидов в правовой сфере и выражаемым в знаниях, умениях, привычках) и наиндивидуальным (социальным) правовым опытом (формируемым на основе синтеза правового идеала, правовой ментальности и под влиянием агентов правовой социализации и выраженным в конкретных правовых ситуациях и их формальном закреплении)¹⁴.

Очевидно, что каждый из уровней правовой реальности носит смешанный, объективно-субъективный характер, как было отмечено выше. И правотворческая работа, и реализация права – процессы, не свободные от ментальных представлений о праве, справедливости, должном и необязательном.

Мерой упорядоченности правовой реальности выступает юридическое понятие правопорядка, понимаемого в качестве основанной на праве и

¹⁰ См.: *Краснов А.В.* Содержание санкций норм права в свете информационно-психологического подхода к исследованию правовых явлений // *Актуальные проблемы экономики и права.* – 2013. – № 4. – С. 226-233

¹¹ См.: *Краснов А.В.* Содержание санкций норм права в контексте принципа уважения прав человека // *Евразийский юридический журнал.* – 2014. – № 3. – С. 164-169.

¹² См.: *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. – С. 32; *Демидов А.И.* Правоведение: от методологического анархизма к методологическому плюрализму // *Государство и право на рубеже веков: Проблемы теории и истории (материалы Всероссийской конференции).* – М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001. – С. 125-130.

¹³ Подробнее см.: *Скоробогатов А.В.* Факторы формирования правовой реальности России // *Актуальные проблемы российского права.* – 2014. – № 8. – С. 1572 – 1576.

¹⁴ Подробнее см.: *Тимофеев А.В.* Юридический опыт проблемы теории и практики: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ярославль: Ярослав. госуд. ун-т, 2008.

законности организации общественной жизни, отражающей качественное состояние общественных отношений на определенном этапе развития общества. Правовая норма способна влиять на правоотношения и правосознание (и правопонимание) до тех пор, пока действительная справедливость (закрепленная в нормативных правовых актах) остается тождественна понятию справедливости (образу социальной справедливости). Как только тождество перестает быть таковым, правопонимание приобретает горизонтальную и вертикальную коллизийность, а правосознание начинает противодействовать правовой норме, формировать совершенно новые правоотношения и при определенных условиях оказывается способным качественно менять правовую реальность.

Проблема содержания правовой реальности связана с решением вопроса о критерии отнесения тех или иных явлений к числу правовых. Отметим, что указанная проблема не может быть решена однозначно: в концепциях правопонимания критерии «правового» могут быть принципиально разными¹⁵. К примеру, юридический позитивизм традиционно увязывает право с государством, его принудительной силой. При этом, несмотря на давние попытки естественно-правовой школы увязать норму права с базовыми моральными ценностями, и поныне предлагается использовать иные критерии, в частности, действенность и эффективность закона¹⁶. Представители американской прагматической школы, в свою очередь, предлагают новую, прагматическую методологию, которая способна разрешить противоречия между концепцией естественного права и юридическим позитивизмом. В основу такой методологии следует положить три основных принципа: принцип причины (уважение к человеку как к разумному существу с доброй волей), принцип согласия (норма основывается на согласии управляемых и управляющих), принцип автономии (имеется в виду автономия, самостоятельность закона от авторитета данной политической власти)¹⁷.

¹⁵ Скоробогатов А.В. Интегральный характер современного российского правопонимания // NB: Вопросы права и политики. — 2014. — № 3. — С. 1-11. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.3.11127. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_11127.html

¹⁶ Campos A.S. Aquinas's *lex iniusta non est lex*: a Test of Legal Validity // Source: Archiv fuer Rechts- und Sozialphilosophie. — 2014. — Vol. 100. — # 3. — P. 366-378(13). — URL: <http://www.ingentaconnect.com/content/fsv/arsp/2014/00000100/00000003/art00006>.

¹⁷ Tyler J. A Pragmatic Standard of Legal Validity. Dissertation. — Texas A7M University (2012) URL: <http://philpapers.org/rec/TYLAPS>.

Как нам кажется, перспектива исследования содержания правовой реальности может быть обозначена в плоскости антрополого-правовых исследований¹⁸. Человек сам творит право, его использует, будучи непосредственно включенным в правовую реальность. Несмотря на существенную объективную составляющую правовых явлений, правовую реальность нельзя рассматривать вне контекста внутреннего, психического отношений субъекта (субъектов) к правовым явлениям. Являясь существом социальным, человек одновременно вступает во множество связей.

В свою очередь, здесь возникает проблема отграничения правовых от иных социальных явлений: где проходит граница правовой и социальной реальности? Как известно, право не может рассматриваться метафизически, в отрыве от иных социальных норм, а также социальных явлений, которые так или иначе оказывают на него влияние и (или) взаимодействуют с правом и его составляющими. При это четко разграничить границы «правового» и «неправового» до настоящего времени в науке не представляется возможным. Не даром даже профессор Сырых В.М., выступающий как апологет материалистической концепции права, в качестве объекта исследования юридической науки указывает не только на государство, право, а также правовую и государственную практику, а также и на иные виды социальной практики, которые с государством и правом неразрывно связаны¹⁹. Исследование «околоправовых» явлений, которые в определенных научных интерпретациях могут рассматриваться как правовые — то направление исследования, которое может дать плодотворные результаты при описании и анализе правовой реальности.

Выводы. Таким образом, правовую реальность можно рассматривать как фундаментальную юридическую категорию, обозначающую особую разновидность социальной реальности. Правовая реальность является сложноорганизованной многоуровневой системой, включающей всю совокупность как реально существующих юридических явлений, так и правовой идеал, и определяет сферу бытия права для индивида и социума.

¹⁸ Скоробогатов А.В. Концепт «право» в российском юридическом дискурсе // Актуальные проблемы экономики и права. — 2013. — № 4(28). — С. 233 — 240.

¹⁹ Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. — С. 38.

Библиография:

1. Campos A.S. Aquinas's *lex iniusta non est lex*: a Test of Legal Validity // Source: Archiv fuer Rechts-und Sozialphilosophie. – 2014. – Vol. 100. – # 3. – P. 366-378(13). – URL: <http://www.ingentaconnect.com/content/fsv/arsp/2014/00000100/00000003/art000006>.
2. Sherwin R.K. The Narrative Construction of Legal Reality // Journal of the Association of Legal Writing Directors. – 2009. – Vol. 6. – P. 93-94.
3. Tyler J. A Pragmatic Standard of Legal Validity. Dissertation. – Texas A7M University (2012) URL: <http://philpapers.org/rec/TYLAPS>.
4. Van Hoeske M. Law as Communication. – Oxford-Portland Oregon, 2002.
5. Барсуков А.Ю. Правовой прогресс как юридическая категория: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов: Саратов, госуд. акад. права, 2004.
6. Большаков Е.В. Теоретико-методологические основы исследования проблемы правовой реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6 (32). – Ч. 2. – С.40-43.
7. Демидов А.И. Правоведение: от методологического анархизма к методологическому плюрализму // Государство и право на рубеже веков: Проблемы теории и истории (материалы Всероссийской конференции). – М.: Изд-во ИГиП РАН, 2001. – С. 125-130.
8. Краснов А.В. Содержание санкций норм права в контексте принципа уважения прав человека // Евразийский юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 164-169.
9. Краснов А.В. Содержание санкций норм права в свете информационно-психологического подхода к исследованию правовых явлений // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4. – С. 226-233
10. Крет О.В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Тамбов: Тамбов. госуд. ун-т, 2007..
11. Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. – Харьков: Право, 2002.
12. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование). Дисс... докт. юрид. наук. – СПб.: СПбГУ, 2002.
13. Скоробогатов А.В. Интегральный характер современного российского правопонимания // NB: Вопросы права и политики. — 2014. – № 3. – С.1-11. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.3.11127. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_11127.html
14. Скоробогатов А.В. Концепт «право» в российском юридическом дискурсе // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 4(28). – С. 233 – 240.
15. Скоробогатов А.В. Факторы формирования правовой реальности России // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 8. – С. 1572 – 1576.
16. Слободнюк С.Л. Правовая реальность и кризис правосознания. – Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
17. Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – С. 38.
18. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001.
19. Тимофеев А.В. Юридический опыт проблемы теории и практики: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ярославль: Ярослав. госуд. ун-т, 2008.
20. Гуляихин В.Н. К вопросу о методологии диссертационных работ в юридической науке // NB: Вопросы права и политики. – 2012. – 1. – С. 92 – 106. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_10.html
21. А. В. Стомба А. Райнах и Н.Н. Алексеев: У истоков феноменологии права // Право и политика. – 2012. – 2. – С. 371 – 376.

References (transliterated):

1. Campos A.S. Aquinas's *lex iniusta non est lex*: a Test of Legal Validity // Source: Archiv fuer Rechts-und Sozialphilosophie. – 2014. – Vol. 100. – # 3. – P. 366-378(13). – URL: <http://www.ingentaconnect.com/content/fsv/arsp/2014/00000100/00000003/art000006>.
2. Sherwin R.K. The Narrative Construction of Legal Reality // Journal of the Association of Legal Writing Directors. – 2009. – Vol. 6. – P. 93-94.
3. Tyler J. A Pragmatic Standard of Legal Validity. Dissertation. – Texas A7M University (2012) URL: <http://philpapers.org/rec/TYLAPS>.
4. Van Hoeske M. Law as Communication. – Oxford-Portland Oregon, 2002.
5. Barsukov A.Yu. Pravovoi progress kak yuridicheskaya kategoriya: Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Saratov: Saratov, gosud. akad. prava, 2004.
6. Bol'shakov E.V. Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya problemy pravovoi real'nosti // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2013. – № 6 (32). – Ch. 2. – С.40-43.
7. Demidov A.I. Pravovedenie: ot metodologicheskogo anarkhizma k metodologicheskomu plyuralizmu // Gosudarstvo i pravo na rubezhe vekov: Problemy teorii i istorii (materialy Vserossiiskoi konferentsii). – М.: Izd-vo IGiP RAN, 2001. – С. 125-130.
8. Krasnov A.V. Soderzhanie sanktsii norm prava v kontekste printsipa uvazheniya prav cheloveka // Evraziiskii yuridicheskii zhurnal. – 2014. – № 3. – S. 164-169.

9. Krasnov A.V. Soderzhanie sanktsii norm prava v svete informatsionno-psikhologicheskogo podkhoda k issledovaniyu pravovykh yavlenii // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. – 2013. – № 4. – S. 226-233
10. Kret O.V. Pravovaya real'nost': ontologo-gnosseologicheskii analiz. Avtoref. diss. ... kand. filos. nauk. Tambov: Tambov. gosud. un-t, 2007..
11. Maksimov S.I. Pravovaya real'nost': opyt filosofskogo osmysleniya. – Khar'kov: Pravo, 2002.
12. Polyakov A.V. Kommunikativnaya kontsepsiya prava (genesis i teoretiko-pravovoe obosnovanie). Diss... dokt. yurid. nauk. – SPb.: SPbGU, 2002.
13. Skorobogatov A.V. Integral'nyi kharakter sovremennogo rossiiskogo pravoponimaniya // NB: Voprosy prava i politiki. — 2014. – № 3. – S.1-11. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.3.11127. URL: http://e-notabene.ru/lr/article_11127.html
14. Skorobogatov A.V. Kontsept «pravo» v rossiiskom yuridicheskom diskurse // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. – 2013. – № 4(28). – S. 233 – 240.
15. Skorobogatov A.V. Faktory formirovaniya pravovoi real'nosti Rossii // Aktual'nye problemy rossiiskogo prava. – 2014. – № 8. – S. 1572 – 1576.
16. Slobodnyuk S.L. Pravovaya real'nost' i krizis pravosoznaniya. – Saarbrücken, Deutschland: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
17. Syrykh V.M. Istoriya i metodologiya yuridicheskoi nauki: uchebnik. – M.: Norma: INFRA-M, 2012. – S. 38.
18. Tarasov N.N. Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki. – Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, 2001.
19. Timofeev A.V. Yuridicheskii opyt problemy teorii i praktiki: Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. – Yaroslavl': Yaroslav. gosud. un-t, 2008.
20. Gulyaikhin V.N. K voprosu o metodologii dissertatsionnykh rabot v yuridicheskoi nauke // NB: Voprosy prava i politiki. – 2012. – 1. – С. 92 – 106. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_10.html
21. A. V. Stovba A. Rainakh i N.N. Alekseev: U istokov fenomenologii prava // Pravo i politika. – 2012. – 2. – С. 371 – 376.